

Методы
психологии

Ю. В. Быховец
Н. В. Тарабрина

Психологическая оценка переживания террористической угрозы

Руководство

Институт психологии
Российской академии наук

Методы психологии

Надежда Тарабрина

**Психологическая оценка
переживания террористической
угрозы. Руководство**

«Когито-Центр»

2010

Тарабрина Н. В.

Психологическая оценка переживания террористической угрозы. Руководство / Н. В. Тарабрина — «Когито-Центр», 2010 — (Методы психологии)

В данном пособии представлено описание методического инструмента – опросника переживания террористической угрозы (ОПТУ), разработанного в лаборатории психологии посттравматического стресса ИП РАН.

Методика направлена на измерение степени выраженности переживания террористической угрозы у косвенных жертв террористических актов (косвенные жертвы – это лица, ставшие свидетелями терактов посредством СМИ). Рассмотрены теоретическое обоснование и результаты апробации ОПТУ-50 и ОПТУ-21 на выборке респондентов из различных регионов Российской Федерации. Проверены психометрические свойства ОПТУ-50 и ОПТУ-21.

Содержание

Введение	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Ю. В. Быховец, Н. В. Тарабрина
Психологическая оценка переживания
террористической угрозы

© Учреждение Российской академии наук Институт психологии РАН, 2010

* * *

Введение

Терроризм как психотравмирующий фактор

Современные масштабы террористической активности и характер ее проявлений свидетельствуют о высокой степени актуальности угрозы терроризма. Количество терактов непрерывно растет, и большинство специалистов не прогнозирует их снижения в обозримом будущем, поэтому изучение влияния терактов на психику (травматизация населения) является одной из самых острых и актуальных проблем современности. Последствия переживания экстремальных, психотравмирующих факторов, к которым, несомненно, относится теракт, могут проявляться во всех формах психической дезадаптации индивида, но наиболее характерным психическим состоянием, развивающимся под воздействием травматических ситуаций, является посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) [53]. О широкой распространенности ПТСР [71, 72, 75] и его отдельных симптомов [94] как психологических реакций на данный тип травматического события свидетельствуют представленные в литературе результаты исследований переживания терактов. С. S. North с соавторами [84] провели анализ литературных данных по частоте развития ПТСР после различных травматических событий и обнаружили, что террористический акт является наиболее серьезной угрозой психическому здоровью населения:

- после извержения вулкана ПТСР развилось у 2 % населения [97];
- после наводнения 4–8 % населения страдало от ПТСР [100];
- прорыв плотины вызвал развитие ПТСР у 44 % [74];
- после пожара у 53 % населения было выявлено ПТСР [82];
- после крушения самолета у 54 % населения возникло ПТСР [98];
- в результате взрыва бомб в Оклахоме у каждого третьего жителя развилось ПТСР [84].

R. J. Ursano с соавторами [104] выделил различия и сходства между такими травматическими событиями, как террористический акт, природные и техногенные катастрофы (таблица 1).

Таблица 1

Сходства и различия террористического акта, природных катастроф, техногенных катастроф

№	Характеристики	Террористический акт		Природные катастрофы			Техногенные катастрофы	
		Взрыв	Захват заложников	Ураган	Торнадо	Землетрясение	Ядерная утечка	Токсическая утечка
1	Подрыв чувства безопасности	+	+	+	+	+	+	+
2	Преднамеренность действия	+	+	–	–	–	–	–
3	Неопределенность	+	+	+	+	–	+	+
4	Географические ограничения воздействия	–	–	+	+	+	+	+
5	Локальный характер угрозы	+	+	+	+	+	+	+
6	Национальный характер угрозы	+	+	–	–	–	–	–

Согласно имеющимся данным [71], предикторами развития ПТСР как последствия переживания теракта являются:

- 1) два и более предшествующих травматических события;
- 2) приступы паники на протяжении или в короткое время после теракта;
- 3) проживание на территории в непосредственной близости к месту теракта;
- 4) потеря имущества в результате теракта.

Так, по данным отечественного диссертационного исследования К. Ю. Галкина, психические расстройства у лиц, перенесших террористический акт в городе Волгодонске 16 сентября 1999 г., привели к социальной дисгармонии, заключающейся в нарушении межперсонального и профессионального функционирования [7]. Состояние 64 обследованных (50,8 %) через четыре года после террористического акта рассматривается как «стойкое изменение личности после переживания катастрофы» (по МКБ-10). У 24 из них (37,5 %) обнаружено проявление «опасливой настороженности» – новой черты характера, имеющей определенные внешние сходства с сверхбдительностью, но характеризующейся весьма существенными отличиями.

Сходство заключается в том, что это постоянное, выраженное переживание, гипертрофированная бдительность, мобилизованность, ожидание опасности, склонность к антиципации ситуации, являющейся по сути безобидной и индифферентной, но оцениваемой пациентом как опасная. Эти признаки сочетаются с постоянной готовностью к почти произвольной реакции агрессии (нападение), избегания (побег из ситуации), пассивному поведению (желание спрятаться).

Отличие заключается в том, что это не признак болезненного расстройства, а, как считает автор исследования, прежде всего – новая черта характера, появившегося непсихотического психического расстройства, возникшего в результате террористического акта. Она специфически изменяет восприятие ситуации, делает его неадекватным, зачастую утрированным и тем самым нарушает интерперсональные отношения, способствуя психосоциальной дезадаптации пациента.

«Опасливая настороженность», будучи патологической составляющей личности, имеет отличия от такой черты личности, как «тревожность».

При «опасливой настороженности» фиксированной эмоцией является страх, связанный с реально существующей угрозой теракта. Фактически «опасливая настороженность» – это антиципация, ставшая чертой личности и постепенно сформировавшаяся спустя 3–4 года после теракта.

«Тревожность» как черта личности касается всех ситуаций, а «опасливая настороженность» ситуационно зависима и связана с некоторыми специфическими характеристиками ситуации и объекта опасений, т. е. эта черта личности как бы «конкретизирована». Ей постоянно сопутствуют психосоматические компоненты в виде кардиоваскулярных, дыхательных, вегетативных проявлений.

«Опасливая настороженность» сопровождается своеобразной психической сенсibilизацией к минимально значимым негативным воздействиям. Она отягощает психофизическую составляющую у пострадавших, ухудшает их социальное положение и психосоциальную адаптивность на отдаленных этапах развития болезни [7].

Таким образом, именно «опасливая настороженность» выступает одним из проявлений психопатизации личности при неблагоприятном развитии непсихотического психогенного расстройства, возникающего в результате мощного стресса, угрожающего жизни.

Другой особенностью психологического реагирования теракта является «синдром фиксированного времени» – высокая степень корреляции специфического ночного пробуждения в часы, соответствующие времени произошедшего теракта, с вегето-висцеральными симптомами (учащенное сердцебиение, повышенное потоотделение, озноб, инспираторная одышка) [8]. Эта зависимость свидетельствует о закономерности их сочетания и расценивается как синдромальное образование.

Тревожно-депрессивное состояние, преобладающее у лиц, перенесших террористический акт в городе Волгодонске 16 сентября 1999 г., сопровождалось либо малопродуктивной и деструктивной активностью, либо безразличием к происходящему, что типично для описываемых в литературе реакций борьбы и бегства [65].

Психологическое обследование 641 пострадавшего от террористического акта, проведенное психологами и психиатрами через месяц после террористического акта в Токио в госпитале, показало, что 32 % испытывали страх перед метро, 29 % страдали бессонницей, 16 % непроизвольно многократно проигрывали в памяти произошедшее с ними в метро, 16 % страдали депрессией, 11 % стали легко возбудимы и агрессивны, 10 % страдали от кошмаров [90].

Проведенные исследования психологических последствий терактов также свидетельствуют о значительном масштабе распространенности психопатологической симптоматики. Например, в исследовании эмоционального статуса гражданского населения после терактов 11 сентября 2001 г. в различных районах Манхэттена, L. E. Delisi с соавторами [68] отмечали, что у 56,3 % опрошенных был выявлен один или несколько психопатологических симптомов. Реактивные состояния, возникающие при переживании последствий терактов, характеризуются высокой интенсивностью, кратковременностью и динамичностью. Однако в целом подобные состояния характеризуются быстрой обратимостью.

Дети, являясь самой незащищенной и уязвимой частью населения, также достаточно часто становятся жертвами терактов. В диссертационном исследовании Е. А. Зубовой изучались посттравматические стрессовые расстройства у детей и подростков, пострадавших в результате массовых террористических актов [14]. Получены данные о том, что типичным для ПТСР у детей и подростков, пострадавших от массовых терактов, является острое начало заболевания (острая реакция на стресс) длительностью в несколько часов, от 2–3 часов до нескольких суток, а в единичных случаях начало заболевания было отсрочено. Характерным также является протекание заболевания на невротическом уровне, в единичных случаях – на психотическом уровне. Клиническими проявлениями ПТСР выступили: 1) соматовегетативные нарушения; 2) психомоторные расстройства в виде двигательной расторможенности в раннем, дошкольном и младшем школьном возрасте, а в предпубертатном и пубертатном – психомоторная заторможенность; 3) аффективные расстройства: тревога во всех возрастных группах, в раннем и дошкольном возрастах, проявляющаяся преимущественно в виде соматовегетативных и поведенческих эквивалентов, а иногда в собственно аффективных феноменах; 4) поведенческие и психосоциальные расстройства. В исследовании определены основные типы течения ПТСР у детей: течение ПТСР по благоприятному типу динамики заканчивалось выздоровлением в течение 1 года, по неблагоприятному типу динамики имело место затяжное течение с последующим переходом в невротические декомпенсации с возможной тенденцией к переходу в патохарактерологическое развитие личности с формированием и усилением истерических черт.

Таким образом, террористические акты в настоящее время становятся реальностью, к которой населению нужно заново адаптироваться. R. Janoff-Bulman, M. P. Koss, L. A. Goodman, L. F. Fitzgerald et al. считают, что под воздействием травмы происходят изменения, которые на субъективном уровне находят свое отражение в возникновении ощущения изменения личности [77]. В своем исследовании особенностей посттравматической адаптации участников боевых действий Е. О. Лазебная и М. Е. Зеленова показали, что успешность адаптации зависит от особенностей личностной оценки пережитого травматического события как индивидуального жизненного опыта [21].

Данные зарубежных исследований психологических последствий терактов свидетельствуют о том, что у людей, непосредственно не переживших травматические события, но ставших их свидетелями посредством преимущественно СМИ, развиваются сходные симптомы острого и посттравматического стресса [101, 102]. Воздействие СМИ является фактором риска

для развития симптомов посттравматического стресса, т. е. их возникновение не ограничено географической близостью к травматическому событию [86, 88]. В некоторых исследованиях получены данные о том, что телевизионное освещение первой войны в Заливе [87] и взрыва в Оклахоме [85, 87] оказали травмирующее воздействие на детей и их родителей. Размышления о потенциальной возможности стать жертвой теракта, по результатам исследования Р. Dixon с соавторами, способствовали развитию признаков стресса [69]. О психологическом воздействии информационных сообщений о нападениях 11 сентября в Нью-Йорке сообщали как в Италии [67], так и в Индии [89]. Остро переживали эти события американцы-эмигранты в Бельгии [101, 102]. Большинство подобных исследований обращается к воздействию СМИ и особенно телевидения как к важным предикторам стресса или травматических симптомов, возникающих при восприятии угрозы терроризма. Нельзя не отметить, что в настоящее время наблюдается снижение числа террористических актов на территории Российской Федерации. Это приводит к уменьшению количества как непосредственных жертв терактов, так и тех людей, которые через СМИ становились свидетелями трагических событий. Однако продолжающееся и сегодня освещение в печати терактов, происходящих в мире, может действовать как травмирующее напоминание, приводя к возникновению устойчивых симптомов [76].

Таким образом, как для зарубежных, так и для отечественных исследований ключевым является понятие «террористическая угроза».

Определение понятия «террористическая угроза»

Объектом большинства исследований, посвященных психологическим и психиатрическим последствиям террористических актов, являются непосредственные жертвы терактов и их близкие [9, 15, 25]. Однако в литературе представлены данные о том, что стрессором, способствующим развитию посттравматического стресса, являются не только теракты, но и сформировавшееся у населения после серии терактов, совершенных за последнее время, представление о «террористической угрозе». К сожалению, «террористическая угроза» является предметом рассмотрения лишь в незначительном количестве работ [56, 59, 66]. Особенно мало уделено внимания специфическим особенностям восприятия террористической угрозы косвенными жертвами [5, 53]. В различных источниках по-разному определяются категории лиц, пострадавших от террористических актов. Так, например, В. С. Ястребов [66] по отношению к терроризму выделяет 4 группы пострадавших: 1) жертвы теракта, оказавшиеся в его очаге – пострадавшие «первой линии»; 2) «спасатели» – профессионалы, выполняющие спасательные или иные работы в очаге, а также другие действия в рамках антитеррористической активности; 3) лица «второй линии поражения», ставшие свидетелями теракта, жители окрестных территорий и др.; 4) население, опосредованно вовлеченное в ликвидацию последствий терактов через административные структуры, СМИ и пр.

А. А. Рудовский в своих исследованиях [40] выделяет следующие категории пострадавших: 1) непосредственные участники событий;

2) родственники погибших и пострадавших в результате теракта;

3) очевидцы драматических событий; 4) лица с психоэмоциональными нарушениями, индуцированными рассказами очевидцев, СМИ, беспокойством и поисками родных и близких.

Некоторые авторы разделяют всех пострадавших в результате терактов на «первичных» и «вторичных» жертв. Под «первичными» жертвами подразумеваются непосредственно пострадавшие от теракта. Однако нет единого согласованного мнения относительно того, кого подразумевают под «вторичными жертвами». Одни авторы считают, что это, прежде всего, родные и близкие пострадавших [19], другие подразумевают людей, которые не были жертвами или свидетелями, но у которых развились невротические реакции (тревожно-фобические, депрессивные) в результате получения информации о событии [35].

Авторы данной работы придерживаются классификации, в соответствии с которой выделяются прямые и косвенные жертвы терактов [10]. Под прямыми жертвами теракта подразумеваются непосредственно пострадавшие, их родственники и близкие знакомые. Косвенные жертвы – это те, кто стал свидетелем терактов посредством СМИ.

Введение термина «угроза» в контекст изучения психологических последствий воздействия на человека террористических актов требует его определения.

Понятие «угрозы» в биологических науках

В биологическом мире хорошо известны врожденные состояния угрозы, так называемая «поза угрозы» [64]. В данном случае угроза – это демонстрация предполагаемого достижения преимущества, которое, в зависимости от характера соперничества, может иметь целью как получение простого обозначения подчиненности со стороны соперника (поза подчиненного), так и нанесение значительного ущерба, вплоть до полного уничтожения соперника. Нападающий характеризуется максимальной мобильностью, агрессивностью, самоуверенностью. В этой связи угроза рассматривается как состояние готовности к действию, как вероятное агрессивное поведение по отношению к сопернику или же готовность к отражению агрессивного действия, всегда предполагает учет статуса соперников (высокий, равный, низкий), а также нахождение на своей, нейтральной, чужой территории, т. е. разницу в принадлежности.

Г. Я. Чаганова указывает на то, что обычно люди с высоким социальным статусом реже проявляют поведенческую активность и чаще настроены на пассивность [64]. Уверенность в собственных силах позволяет им ожидать удовлетворительного для них результата. Люди с низким статусом чаще ориентируются на активное поведение, так как, независимо от конечного результата, сам процесс возможного соперничества, борьба с людьми высокого статуса возвышает их.

«Угроза» в концепции безопасности

В логике потребностей концепции безопасности стремление к безопасности наиболее остро переживается в ситуации опасности и слабо или вообще не проявляется при отсутствии таковой [22]. Опасность трактуется как «возможные или реальные явления, события и процессы, способные нанести вред человеку, социальной группе, обществу, государству, человеческому обществу и Земле или даже уничтожить их, нанести ущерб их благополучию, разрушить материальные, духовные или природные ценности, вызвать деградацию, остановить развитие» [26, с. 85]. К числу травматических ситуаций относятся войны, техногенные и природные катастрофы, ситуации насилия и другие действия. Данные виды событий относятся к травматическим стрессорам, способным вызвать стресс, который может привести к развитию посттравматического стрессового расстройства. Таким образом, люди могут переживать состояние угрозы как устойчивое состояние. Если же человек попадает в ситуацию конкретной угрозы, возникает *ситуационно* трактуемая опасность. В данном случае между опасностью и угрозой ставится знак равенства.

В когнитивной модели стресса Р. Лазарус вводит опосредующие стимул и реакцию когнитивную оценку и совладание, позволяющие формулировать транзактную модель [20]. При создании этой модели Р. Лазарус основывался на «сигнальной концепции тревоги» З. Фрейда [70]. При возникновении опасности Эго оценивает ее как угрозу. Возникает тревога, сигнализирующая об опасности, и актуализируются процессы защиты. Р. Лазарус, отбросив фрейдовский термин «тревога», проводит прямую связь между угрозой и защитой в терминах оценки опасности (или несоответствия требований окружения личностным ресурсам) и стратегий совладания.

Как бы различно ни трактовалось отношение индивида к опасной ситуации, очевидно, что психологически ситуация опасности должна быть раскрыта как ситуация угрозы. Для того чтобы реагировать на опасность, человек должен воспринимать ее как угрозу. В мотивационной иерархии потребностей А. Маслоу [63] потребность в безопасности занимает второе

место по значимости после физиологических потребностей. Предельно расширяя содержание потребности в безопасности (в стабильности, в зависимости, в структуре и порядке и т. д.), А. Маслоу сводит выделенную им комплексную потребность к реакции на угрозу. Именно она побуждает организм мобилизовать все силы для борьбы с угрозой.

Таким образом, гомеостатические модели мотивации связаны с редукцией напряжения, а не с организацией поведения, направленного на самосохранение и выживание. В моделях гомеостаза опасность трактуется как предельное напряжение системы, требующей разрядки.

На данный момент проведены исследования террористической угрозы как фактора снижения чувства безопасности. Т. А. Grieger с соавторами проводили опрос жертв теракта 2001 г. в Пентагоне [75]. Получены данные об особенностях восприятия безопасности жизнедеятельности: респонденты со сниженным уровнем восприятия безопасности в течение семи месяцев после терактов имели повышенный уровень эмоциональных реакций и высокую выраженность диссоциаций. У них, с большей вероятностью, развивалось ПТСР, а также алкогольная зависимость. В исследовании был получен важный результат относительно половых различий: женщины превосходили мужчин по степени выраженности всех выделенных признаков. Сходные данные об увеличении уровня возбуждения из-за переживания угрозы жизни были получены в исследовании D. Simeon с соавторами [96].

Таким образом, по результатам многочисленных исследований «снижение ощущения безопасности» может быть описано как: 1) снижение чувства контролируемости ситуации (невозможность контроля за развитием событий, использования выработанных копинг-стратегий для избежания негативных последствий); 2) состояние незащищенности, не позволяющее эффективно осуществлять повседневную жизнедеятельность.

В исследовании стрессовых реакций американцев, проведенном М. А. Schuster с соавторами [94] после терактов 11 сентября 2001 г., около 47 % мирного населения указали на появившееся у них беспокойство относительно собственной безопасности или безопасности их близких.

«Угроза» как форма психологического насилия

В уголовном праве понятие «угроза» применяется как одна из составляющих психологического насилия. При этом угроза рассматривается как противоправное средство воздействия на психику потерпевшего с целью подавить или предотвратить его сопротивление путем запугивания, т. е. угроза – один из видов психологического насилия [31]. Основным элементом угрозы является устрашение потерпевшего.

С точки зрения О. Непочиренко, угрозы могут быть классифицированы по объектам, величине нанесенного ущерба, по вероятности возникновения, по причинам воздействия, по направлениям и целому ряду других показателей [26] (рисунок 1).

Одной из целей проведения террористических актов является запугивание, т. е. актуализация страха, ужаса возможного повторения подобных действий у той части населения, которая не явилась непосредственной жертвой терактов, т. е. террористы и их деятельность оказывают влияние на мысли, чувства и поступки людей, которые становятся косвенными жертвами терроризма. При терактах, сопровождаемых гибелью большого количества людей, признаки стрессовых нарушений наблюдаются не только у непосредственно пострадавших и их родственников, но и у части лиц, непосредственно не затронутых трагедией [17, 41]. С этой точки зрения, проведение террористических актов может рассматриваться как форма массового психологического насилия, поскольку угроза возможного насилия также является насилием [11]. В докладе ВОЗ [27] представлено разделение насилия на три широкие категории в соответствии с характеристиками тех, кто совершает акт насилия: 1) покушение на собственную жизнь и здоровье (суицидальное поведение и жестокое отношение к себе); 2) межличностное насилие (насилие в семье); 3) коллективное насилие (социальное, политическое, государственное и экономическое). Согласно этой классификации, террористическая угроза относится к форме

коллективного насилия. Насилие по своим последствиям входит в число самых тяжелых психологических травм. По мнению многих авторов [93, 94, 100, 101], следствием данной формы насилия, с большой вероятностью, может являться посттравматический стресс.

Рис. 1. Классификация угроз

Психологическое насилие – это латентный, трудно диагностируемый вид насилия. Перед профессионалами часто стоит проблема его диагностики и определения. Однако если при некоторых других формах психологического насилия (например, в семьях со стороны родителей или в учебно-воспитательных учреждениях) сам агрессор далеко не всегда осознает принудительный характер своих действий, то в случае с террористическими актами психологическое насилие, давление на массы людей является одной из главных целей преступления.

Переживание насилия как индивидами, так и группами (война, теракт) является, возможно, самым тяжелым травматическим опытом [105]. Главным компонентом всех травматических событий является снижение чувства безопасности жизни, поскольку потребность в безопасности и защите жизни, как уже было сказано выше, относится к числу одной из базисных, доминирующих для человека. Одним из видов стрессовых реакций на информацию о произошедших и готовящихся террористических актах является снижение уровня восприятия безопасности жизни. Степень снижения чувства безопасности и развития ПТС не может быть предсказана лишь посредством объективных измерений степени воздействия или потерь от теракта. Необходимо проанализировать роль личности в генезе подобных кризисных состояний. Среди личностных особенностей, способствующих развитию ощущения нависшей угрозы, авторами выделяются инфантильность, незрелость эмоций, слабая устойчивость к отрицательно окрашенным внешним раздражителям, экстернальная ориентация, ригидность, преобладание вытеснений по истерическому типу [16].

Таким образом, среди множества трактовок понятия «угроза», предложенных отечественными и зарубежными исследователями, определение В. З. Дворкина наиболее полно отражает насильственную природу угрозы и ее патогенное влияние на психику пострадавших: «угроза» подразумевает потенциально возможное или реальное действие или явление, способное нанести моральный или материальный ущерб. Другими словами, угроза – это «опасность, переживаемая как вероятность перехода этой опасности из возможности в действительность, высказанное намерение или демонстрация готовности одних субъектов нанести ущерб другим» [26, с. 86].

В американском исследовании восприятия риска повторения того или иного травматического события были выделены различные параметры риска, от которых зависит оценка людьми существующей угрозы: возможность личного контроля над ситуацией, потенциальная опасность, страх, ужас, степень знакомости, понимание ситуации, воздействие на детей, проявление последствий, влияние на будущие поколения, обратимость, количество жертв, доверие правительственным институтам, доверие к СМИ, историческая значимость ситуации, умышлен-

ность воздействия, справедливость, выгода, причины [99]. Эта оценка не является функцией от среднегодовой смертности, согласно имеющимся в распоряжении данным СМИ, а в большей степени зависит от различной атрибуции риска [92]. Некоторые исследования также подтверждают, что человек оценивает риск и угрозу, основываясь на чувстве контроля над ситуацией, уровне знаний о ситуации и степени знакомости события [83].

СМИ и переживание террористической угрозы

С увеличением количества терактов актуализировался вопрос о психологии восприятия теле- и радиотрансляций с места событий, способных оказать психотравмирующее воздействие на зрителей. Можно предположить, что влияние телевизионных передач и других средств коммуникации будет проявляться в обострении психических состояний, связанных с переживанием травматических событий. Анализ ряда научно-исследовательских работ по изучению психологических последствий террористических актов показывает, что СМИ влияют на возникновение посттравматических состояний [53]. Так, в американском исследовании R. E. Propper с соавторами показано, что частый просмотр телепередач, освещающих события 11 сентября 2001 г., сопряжен с ПТСР-симптоматикой и депрессией, а непосредственное участие в травматическом событии и воздействие СМИ являются объединенным фактором формирования постстрессовых состояний [92]. Особый эффект воздействия телевизионных образов был обнаружен на выборке респондентов, ставших непосредственными жертвами теракта. Описаны два случая острого психотического расстройства, возникшего через две недели после 11 сентября 2001 г. Авторы подчеркивают роль телевизионного освещения в развитии психотических расстройств. В связи с этим встает вопрос о механизме воздействия информационного освещения терактов на психику населения. В совместной российско-американской работе В. В. Нурковой, Д. М. Бернштейн и Э. Ф. Лофтус [28] был произведен сравнительный анализ воспоминаний москвичей о взрывах жилых домов в Москве в 1999 г. и теракте в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. Показано, что в формировании субъективной отчетливости и стабильности воспоминаний об исторических событиях значительную роль играет фактор визуальной кристаллизации и означивания с помощью СМИ. Подтверждена гипотеза о том, что личностная включенность в событие ведет к снижению «качества» образа памяти, вследствие чего испытуемые, в большей степени, склонны доверять «социально сформированным» образам памяти, чем непосредственно пережитым. Образы, продуцируемые радио, телевидением и фотожурналистикой, не требуют декодирования и поэтому обладают способностью «маскироваться» как реальный опыт. Последующие картины СМИ и публикации о теракте способны активизировать воспоминания травматического материала об этой угрозе. В данном случае средства массовой коммуникации оказываются триггерами, а способ подачи травматического материала посредством визуального и аудиального каналов (одни из самых информативных для человека) способствует возникновению интенсивных психологических последствий переживаний: симптомов вторжения и активизации в сознании травматического материала. Психологи Gloria Keiman, Avi Sadeh, Sefi Rosen из Тель-Авивского университета настаивают на точке зрения, из которой следует, что терроризм в настоящее время имеет явную направленность на СМИ [80]. Своей окончательной целью террористы видят не максимально возможное количество физических жертв и повреждений, а огромные аудитории телезрителей. Террористические акции, по их словам, все больше начинают напоминать продуманный сценарий спектакля. Видение СМИ в качестве подсобного инструмента для провозглашения своей воли родилось в умах террористов не в наши дни [78]. Gordon McCormick в своей работе «Terrorist Decision Making» упоминает слова французского анархиста Леона Лехотье, который говорил, что динамит помогает борцам за свободу совершать более масштабные акции, а пресса – делать их более громкими [73]. Там же упоминаются слова В. Кропоткина, заявляющего, что хорошо спланиро-

ванная акция с привлечением прессы – более эффективный инструмент для провозглашения своей воли, нежели тысячи распространенных брошюр. Современные террористы разделяют мнение своих предшественников [73]. В работах Gloria Keiman, Avi Sadeh, Sefi Rosen, посвященных исследованию влияния СМИ на восприятие террористического акта, звучит точка зрения о существовании взаимовыгодной связи между СМИ и террористами [80]. Террористы используют ресурсы СМИ для того, чтобы быть увиденными и услышанными максимальным количеством людей, а средства массовой информации, в свою очередь, за счет освещения драматических событий поддерживают свой рейтинг. Результаты подобного «сотрудничества» крайне негативны. В обществе, помимо эскалации страха и чувства собственной незащищенности, начинают расти национальная и религиозная нетерпимость. Необдуманные заявления, часто построенные на слухах, пугают людей, а значит, как один из вариантов реакции на страх, делают их крайне агрессивными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.